
КРИВОЕ ЗЕРКАЛО, ИЛИ КАК НЕ УДАЛАСЬ ПОПЫТКА НАПИСАТЬ ПОРТРЕТ Т.Д. ЛЫСЕНКО

А.И. Ермолаев
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники РАН

Аннотация: *Статья является откликом на вышедшую в 2014 г. книгу Л.А. Животовского «Неизвестный Лысенко», в которой сделана попытка показать, что Т.Д. Лысенко — великий русский биолог и руководитель сельского хозяйства, сделавший для страны неизмеримо больше, чем все его научные противники, вместе взятые. В статье разобраны некоторые из аргументов Животовского и показана их несостоятельность с точки зрения истории генетики.*

Ключевые слова: *Л.А. Животовский, Т.Д. Лысенко, лысенковщина, лысенкоизм.*

Когда я впервые взял в руки небольшую книгу в мягкой обложке с отпечатанным на ней названием «Неизвестный Лысенко» [Животовский 2014], я испытывал радостное ожидание. Наконец-то нашёлся, думал я, крупный биолог, который не пожалел времени и сил, чтобы написать научную биографию Трофима Денисовича.

Быть биологом в нашей стране и не слышать имени Лысенко невозможно. Когда в 1976 году я поступил на кафедру генетики Казанского государственного университета, то встретился с упоминаниями этого человека на первом же курсе. И далее, все пять лет, пока я учился, я постоянно то тут, то там, встречал его имя. Лег через десять я на той же кафедре начал читать порученный мне курс «История генетики», и опять мне было не обойтись без разбора борьбы, которую вели лысенкоисты против менделизма-морганизма. И, наконец, в 2000-х годах судьба повернулась так, что я отошёл от генетики, которой занимался большую часть жизни, и стал историком науки.

Несмотря на всё вышесказанное, я плохо знаю Лысенко как человека. Хотя я общался с людьми, лично видевшими и слышавшими Лысенко, цельный образ его я создать не мог. Что он думал, когда громил своих противников? Или когда внедрял, казалось бы, оригинальные, но плохо проверенные приёмы в сельскохозяйственную практику? Он безусловно был неординарным и даже талантливый человеком, но на что растратил он свой талант? Капитальная сводка В.Н. Сойфера [Сойфер 2002] не даёт полных ответов на эти вопросы, хотя и затрагивает часть из них. Недавно из печати вышли воспоминания Сойфера [Сойфер 2011], в кото-

рых автор рассказывает, как он в юности был очарован обаянием Трофима Денисовича. Напечатаны и многие другие воспоминания, где говорится о харизматичности Лысенко и о впечатлении, которое он умел произвести, например, на такого неожиданного в этом контексте человека, как Жорес Медведев [Медведев 2011: 109–123], более известного как непримиримый противник Лысенко и лысенкоистов.

Так что давно пора бы появиться полной и непредвзятой биографии Т.Д. Лысенко не просто как «злого гения» российской биологии, но как человека сложного и противоречивого, продукта своего времени, пленника своих гипотез и заложника своего положения. Именно с этими мыслями я открывал книгу Л.А. Животовского. Лев Анатольевич для меня не просто крупный биолог и лауреат научных премий. Одну из его книг я постоянно использовал в качестве пособия, выезжая со студентами на летнюю практику [Глотов, Животовский и др. 1982], так что, не будучи знаком лично, я всегда относился к Животовскому с почтительным уважением.

К сожалению, книга ничего нового мне не сказала. Автор просто попытался поменять местами «плюсы» и «минусы» в оценочных суждениях, но сделал это, мягко говоря, неубедительно. Животовский придерживается мнения, что возвеличивание Т.Д. Лысенко в 1930–1950-е гг. было не просто оправданным, а совершенно естественным, потому что Лысенко — великий русский биолог и руководитель сельского хозяйства, сделавший для страны неизмеримо больше, чем его научные противники Н.И. Вавилов, Г.Д. Карпеченко, Н.К. Кольцов и иже с ними. Забвение Лысенко после 1960-х гг. кажется Животовскому абсолютно несправедливым и произошедшим исключительно вследствие мести со стороны его врагов.

Разбирая эти положения, мне хочется воспользоваться тем разделением, которое было предложено Э.И. Колчинским [Kolchinsky 2014: 330–358]. Он разделяет два, хоть и взаимосвязанных, но разных по своей сути явления. Первое из них это *лысенкоизм* как в определённой степени научное явление, совокупность идей и методологических установок, составляющих суть «мичуринской биологии», а второе — *лысенковщина* как явление социально-политическое, к науке ни в коей степени не относящееся, заключающееся в подмене борьбы научных мнений и идей практикой апеллирования к властям и требованиями фактически устранить своих конкурентов.

Для начала поговорим о *лысенковщине*. Животовский полностью отрицает существование этого явления в истории отечественной науки, заявляя, что Т.Д. Лысенко никогда не писал доносов [Животовский 2004: 78], не притеснял генетиков в своей научной и учебной работе [там же: 84], не замалчивал работы генетиков [там же: 85]. Верным из всего этого на сегодняшний день является разве что отсутствие написанных Трофимом Денисовичем доносов в архивах России — просто потому, что ему никогда не было в них надобности. Все свои наветы на противников он произносил публично в присутствии руководителей партии и правительства или делал это в центральной печати. Свидетельства этого столь многочисленны, что мне даже нет необходимости иллюстрировать статью цитатами¹.

Наиболее неожиданным для меня был «перевод стрелок», когда Животовский начал обвинять самих генетиков в тех грехах, от которых он хотел отмазать Лысенко и его сторонников. Например, в вину В.Я. Александрову он поставил, что тот оправдывал увольнение из Института экспериментальной биологии сотрудников О.Б. Лепешинской в 1960-е годы [там же: 90] якобы без «научного обсуждения». Но «обсуждение» абсолютно антинаучных теорий Ольги Борисовны неоднократно велось в предшествующие годы, и только жёсткая административная поддержка позволила этой «лаборатории» сохраниться так долго! Своими «исследованиями», сделанными с полным нарушением всех и всяческих норм работы с цитологиче-

¹ О лысенковщине написано настолько много, что даже выборочный список займёт много страниц. Чисто для примера назову лишь несколько работ, как общего плана [Колчинский 2007], так и касающихся судеб отдельных учёных [Суд палача... 1999; Гончаров и др. 2013] или научных центров [Фандо 2005; Барабанщиков, Ермолаев 2011; Шалимов 2011].

скими препаратами, большевичка О.Б. Лепешинская пыталась «отменить» всю клеточную теорию, начиная с заложенных в её основу исследований Рудольфа Вирхова. Сейчас, через полвека, можно с уверенностью сказать, что все «опыты» и «идеи» Лепешинской не имели к науке никакого отношения.

Животовский также обвиняет замечательного русского зоолога Ю.И. Полянского, что тот пытался уволить И.И. Презента, используя незтичные и «репрессивные» методы, а именно — не обратился к Учёному совету ЛГУ, а трусливо поехал с этим вопросом к заведующему отделом науки ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданову. Но будучи исполняющим обязанности ректора университета, Полянский прекрасно понимал, что этот вопрос был вне компетенции университета и ректората, и что команду снять Презента могли дать только работники ЦК партии, вхожие к Сталину. Тем более, все предшествующие попытки противостоять И.И. Презенту и его жене Б.Г. Поташниковой в ЛГУ закончились разгромом многих кафедр, арестом и гибелью Г.Д. Карпеченко, Г.А. Левитского и др. [Россиянов 1991: 528–533]. Пройдя всю войну на «Невском пятачке», ставшем символом мужества, героизма и самопожертвования советских воинов у осаждённого Ленинграда, Ю.И. Полянский как раз ничего не боялся. Сам факт его открытого противостояния с И.И. Презентом в те годы был актом гражданского мужества, а вовсе не подковёрной грызней с соперниками. Если Л.А. Животовскому сторонники Лысенко кажутся одетыми в белые одежды, а генетики замаранными, то это меня печалит, но спорить с этим исключительно личным оценочным суждением, видимо, бессмысленно.

От вопросов *лысенковщины* перейдём теперь к вопросам *лысенкоизма*. Тут всё сложнее. Лысенко, как к нему ни относиться, был масштабной личностью, и определение его как «злого гения» хоть и оправдано, но очень односторонне. Я убеждён, что к поискам истоков его воззрений и оценке его влияния на советскую биологию нужно возвращаться вновь и вновь. Другое дело, что историко-научный труд Л.А. Животовского показался мне поверхностным и оставил меня не удовлетворённым. И в этом я, к сожалению, полностью согласен с ранее опубликованными откликами [Муромец 2014: 12–12; Сойфер 2014: 5; Профессор Э.И. Колчинский... 2014].

Начнём с того, что из книги Животовского может создаться впечатление, что Лысенко в те годы был чуть ли не единственным, кто пропагандировал влияние условий среды на развитие организма в противоположность вейсманистским воззрениям об однозначной зависимости фенотипа только от структуры генотипа. Но это далеко не так. Именно это и было содержанием главного спора, шедшего в 1920-е гг. в генетике. Суть спора чётко изложил Б.М. Завадовский в предисловии к «Очеркам по теории эволюции», написанным сторонниками ламаркизма. Он пишет: «Проблемы выявления внешних и внутренних каузальных факторов формирования, точное становление законов наследственности, трактовка и содержание понятия наследственных единиц, или „генов“, вопрос о наследовании благоприобретенных свойств, соотносительное значение модификаций, мутаций и комбинаций в эволюционном процессе и ряд других спорных вопросов эволюционного учения — всё ещё продолжают разделять современных биологов на два, зачастую непримиримых, лагеря...» [Смирнов и др. 1924: 8].

Для Б.М. Завадовского и авторов «Очерков...» все эти вопросы однозначно решались в пользу ламаркизма. Они были убеждены в наследовании приобретённых признаков и в том, что направляющим фактором эволюционных изменений является прямое влияние внешней среды. На тех же позициях стояло в середине 1920-х гг. большинство биологов. Например, С.Г. Левит, будущий организатор Медико-генетического института, в те годы был убеждён, что подлинной причиной изменчивости может быть только воздействие внешней по отношению к организму среды. Он говорил, что «причины мутаций у де Фриза идеалистичны и, стало быть, реакционны» [Левит 1926: 15–32].

Поскольку Левит являлся одним из руководителей Секции естественных и точных наук Коммунистической академии, то наличие у него и у его коллег такой точки зрения провоци-

ровало поддержку соответствующих научных направлений. В частности, именно в 1926 году при Комакадемии была организована Биологическая лаборатория, задачей которой стала разработка вопросов, связанных с наследованием приобретённых признаков. Руководить этой лабораторией пригласили известного венского зоолога Пауля Каммерера (1880–1926), в лаборатории которого ранее были получены результаты о наследственном увеличении у жабы-повитухи так называемой брачной мозоли (представляющей собой чёткое пигментированное пятно). Этот результат всеми защитниками ламаркизма в 1920-е гг. использовался в качестве одного из главных аргументов в пользу наследования приобретённых признаков. Каммерер дал согласие, но переехать в Россию не успел. В августе 1926 г. журнал «Nature» опубликовал статью Г.К. Нобла, полностью дискредитировавшую опыты Каммерера. Нобл исследовал заспиртованный экземпляр жабы-повитухи и обнаружил вместо естественной пигментации впрыснутую кем-то тушь. Кто проделал эту операцию, навсегда осталось невыясненным. Вполне вероятно, что Каммерер ничего не знал о фальсификации результатов, а тушь впрыснул по своей инициативе кто-то из лаборантов или аспирантов. Так или иначе, Каммерер после этой статьи покончил с собой, не перенеся позора [Гайсинович 1988: 301–303]. Живописный в своей книге неоднократно упоминает Каммерера, но не описывает эту историю.

Что же касается генетиков-морганистов, то они действительно твёрдо стояли на позициях отрицания наследования приобретённых признаков. Они исходили при этом из общетеоретических концепций о независимости закономерностей передачи генов от закономерностей «проявления» генов в фенотипе, покоящихся на постулатах Августа Вейсмана. К тому же генетики вынуждены были констатировать, что им неизвестны факты влияния внешних условий на мутационный процесс. Такие заявления делались с большей или меньшей категоричностью. Так, Юрий Александрович Филипченко заявил в 1925 г.: «У наилучше изученных случаев мутаций нет никакой связи с влияниями различных внешних факторов, а обуславливаются они внутренними перегруппировками в хромосомах от ближе нам неизвестных причин» [Морган, Филипченко 1925: 49]. Работавший на кафедре у Филипченко Феодосий Григорьевич Добржанский придерживался тех же позиций: «Прямое воздействие внешних условий, по-видимому, не может быть причиной появления мутаций. Причина изменения генов, мутаций, нам в настоящее время неизвестна» [Добржанский 1926: 27].

Но всё вышеизложенное справедливо только до того момента, как Герман Мёллер доложил об открытом им явлении индуцированного мутагенеза, доказав, что ген изменяется под действием внешних воздействий. Советских генетиков об этом эпохальном открытии известила газета «Правда» [Серебровский 1927].

И если до 1927 года воззрения Т.Д. Лысенко шли в русле генетических споров того времени и никого не удивляли, то именно после этого начинается постепенное, но со временем всё более резкое и глубокое расхождение Лысенко со сторонниками вейсманизма-морганизма. Генетики уходили вперёд, А.С. Серебровский строил свою модель внутреннего строения гена, Н.В. Тимофеев-Ресовский пытался установить его размеры, Ф.Г. Добржанский уверенно шёл к созданию эволюционно-популяционной генетики, И.И. Шмальгаузен разрабатывал концепцию стабилизирующего отбора... А взгляды Лысенко на этом фоне становились всё более архаичными [Колчинский, Орлов 1990].

Лысенко же в изложении Животовского предстаёт человеком, не просто опередившим современных ему генетиков в понимании вопросов наследственности, но и более правильно употреблявшим генетические термины и понятия. Один из наиболее удивительных примеров приведён на странице 64, где приводится цитата из «Агробиологии» Т.Д. Лысенко с употреблением слов «соматическая мутация». В отсылке указано: Лысенко, 1949, стр. 418–419. В своё время я читал упомянутую книгу и поэтому был твёрдо уверен, что не мог её автор пропагандировать такие слова. Пришлось открывать «Агробиологию» и искать цитату, которая, кстати, в издании 1949 года оказалась на странице 421, а вовсе не на страницах 418–419. Но

главное состоит в том, что выпущенная при цитировании часть текста изменила если не смысл, то оценочное отношение автора к применённому термину.

Позволю себе привести цитату полностью, выделив курсивом пропущенную Животовским часть: «...В экспериментах, имеющих целью выяснить общий вопрос об изменении наследственности при изменении тела, нужно брать изменённое тело организма и выяснять его наследственность. *В данном случае от кустов проса нужно было бы соответственно взять укоренённые черенки и выращивать их в одинаковых условиях. Думаю, при таком эксперименте различие между наследственностью черенков с одного куста и с другого было бы более значительным, чем при сравнении семенного потомства. **Ведь морганистам хорошо известно**, что в различных частях одного и того же организма, даже в рядом лежащих клетках может быть разная наследственность (соматические мутации)*» [Лысенко 1949: 421].

Таким образом, можно видеть, что Лысенко употребил термин «соматическая мутация», как взятый взаймы у генетиков, привычный им, чтобы разъяснить в очередной раз «генетические заблуждения». На соседней странице он пишет: «Бесспорно, в руках морганистов есть факты. Но, если эти факты проанализировать с позиций мичуринской генетики, они неизбежно приобретут новый смысл. Анализируя факты морганистов по-мичурински, мы неизбежно придём к диаметрально противоположным выводам...» [там же: 420]. Так что не надо приписывать «народному академику» гениальные прозрения относительно мобильных генов или, например, изменения транскрипционной активности при модификации хроматина, как это делает Животовский на стр. 63. Если бы Лысенко такое услышал, он бы долго плевался, потому что был твёрдо уверен, что «никакого особого наследственного вещества в организме и в клетках не имеется» [Лысенко 1949: 423].

Неужели Животовский верит, что «вегетативные гибриды принципиально не отличаются от гибридов, получаемых половым путём»? А ведь именно так написал Лысенко в своей программной работе «О наследственности и её изменчивости» [Лысенко 1949: 491], да ещё и выделил эти слова курсивом. Следующая фраза оттуда же не оставляет места сомнениям: «Любой признак можно передавать из одной породы в другую посредством прививки так же, как и половым путём». Обратите внимание: «любой признак»! Согласуется ли это с точкой зрения генетика Животовского?

В другой своей работе Лысенко говорит ещё более выразительно: «Факты вегетативной гибридизации безупречно показывают, что наследственные свойства двух организмов могут объединяться в одном **без передачи хромосом, равно как и без передачи протоплазмы** клеток» [Лысенко 1949: 424] (выделено мною — А.Е.). К чему тогда все дорогие и сложные ухищрения современной биотехнологии, если любой организм можно «воспитать», воспользовавшись методиками Мичурина и Лысенко?²

Когда Л.А. Животовский говорит о недоверии Лысенко к генетическим теориям и считает это недоверие полностью обоснованным в те годы, то он совершает сразу несколько ошибок. Его определение генетики как «незрелой науки» может с некоторой натяжкой относиться к 1920-м годам, но никак не к 1930-м. Кроме того, Животовский обходит полным молчанием знаменитую историю о том, как аспирантка Н.И. Ермолаева (к сожалению, моя однофамилица, хоть и не родственница) по заданию Лысенко повторила эксперименты Менделя с целью опровергнуть его «гороховые законы». В отдельных гибридных семьях расщепление отличалось от «три к одному», предсказанному Менделем [Ермолаева 1938: 127–134]. Но окончилась эта попытка поспорить с Менделем совершенно бесславно, когда академик А.Н. Колмогоров с помощью наглядного статистического анализа показал, что в совокупности вариабельность полученных в этих опытах расщеплений соответствовала ожидаемой для

² Замечу, кстати, что приведённое на странице 56 мнение Животовского о генно-модифицированных организмах поражает своей туманностью и неопределённостью. Невозможно понять, то ли автор считает их воплощением гениальных замыслов Лысенко, то ли ругает за непредсказуемость.

соотношения 3:1 настолько идеально, что её можно было счесть прекрасным аргументом в пользу теории Менделя [Колмогоров 1940: 38–42].

На протяжении книги Животовский постоянно пытается уверить читателей, что среди европейских и американских учёных Лысенко пользовался заслуженным уважением. Найдя в списке цитированной литературы переводную книгу Джеймса Файфа «Лысенко прав» [Файф 1952], я ожидал, что Животовский будет активно ссылаться на эту книгу, одну из немногих, где западный автор пропагандирует лысенковские идеи. Однако в самом тексте не нашлось ни фотографии обложки этой книги (при наличии многих других обложек), ни какого-либо разбора её, только краткая ссылка на странице 55. В чём дело? А вот в чём. Книга Файфа, хоть и является апологией Лысенко, слишком во многом работает против выкладок Животовского, и он не мог этого не почувствовать.

Например, Животовский начинает с того, что в 1940-е годы западные учёные очень уважали вклад Лысенко в мировую биологию, приводит для доказательства этого сканы страницы из Материалов американского симпозиума 1948 года [Животовский 2004: 9, 10, 11], скан обложки перевода монографии Лысенко Ф.Г. Добржанским на английский язык и изданной в 1946 году в США [Животовский 2004: 91], упоминает статьи Дж.Б.С. Холдейна и других учёных, якобы написанные в поддержку Лысенко. На самом же деле Добржанский был одним из главных застрельщиков антилысенковской кампании в США и Англии, а книгу Лысенко перевёл для того, чтобы зарубежные генетики могли воочию убедиться, сколь архаична и нелепа мичуринская биология, пропагандируемая властями в СССР как передовая наука.

Да и Холдейн никогда не писал о поддержке идей Лысенко, хотя, будучи членом Президиума Компартии Великобритании, первоначально отказался присоединиться к К. Дарлингтону, Р. Фишеру и С. Харланду с осуждением августовской сессии ВАСХНИЛ, мотивируя это плохой осведомлённостью о реальных событиях и воззрениях Лысенко, которые он правда и тогда считал абсолютно неверными применительно к многоклеточным животным и относительно борьбы за существование растений [Haldane 1948]. Вскоре он, видимо, разобрался и в знак несогласия с культивировавшими Лысенко методами подавления оппонентов в 1950 г. покинул ряды Коммунистической партии. По той же причине многие биологи Италии, Франции, Японии покинули коммунистические партии своих стран. Вообще, говоря о поддержке идей Лысенко некоторыми учёными Запада, Животовский упускает из виду, что это, как правило, диктовалось политическими, а не научными соображениями³.

Возвращаясь к книге Файфа, следует подчеркнуть, что она дезавуирует все построения Животовского о широкой поддержке Лысенко за рубежом. Книга была издана в начале 1950-х гг., и автор её должен был бы знать, как относилось научное сообщество на Западе к Лысенко. Но пропагандируя Лысенко, англичанин Файф неоднократно упоминает генетиков, являющихся противниками Лысенко, цитирует для этого Дж. Хаксли, К. Дарлингтона и других, но в качестве защитников и пропагандистов Лысенко не назвал ни одного имени, кроме относительно малоизвестного К. Мазера и своего собственного. Наоборот, он всячески ругает мировую науку как «прислужницу капитализма» и противопоставляет ей «свободную и независимую» советскую науку сталинского периода.

Животовский считает Лысенко гением, лишь к концу жизни начавшим совершать некоторые ошибки [Животовский 2004: 71–75]. Например, он пишет, что «Его положительная черта — желание интерпретировать факты, не укладывавшиеся в существующие теории, как проявление не открытого ранее явления — но без прежнего критического осмысления и детального анализа первичного биологического материала — привела его к странной эволюционной идее о порождении одного вида другим...» [там же: 73]. Но зададимся вопросом: так ли неожиданно было появление этой уже откровенно лженаучной теории?

³ Существует обширная литература о внедрении лысенкоизма в разных странах, например, в Польше [Köhler 2011: 32–53], Болгарии [Edreva 2013: 54–62], Японии [Fujioka 2013: 7–15] и других.

Ведь отрицая само существование генов и превознося влияние среды, Лысенко обязан был придти именно к такому пониманию эволюционного процесса. Позволю себе ещё одну цитату из доклада 1940 года: «Меня обмен веществ, меняя питание организма, можно менять не только тело организма, но и свойства его наследственности» [Лысенко 1949: 428]. Отсюда и берет начало антидарвиновская лысенковская концепция «порождения» одних видов другими, «перерождения» пеньки в кукушку, сосны в ель, ржи в порей и пшеницу, овса в овсюг и так далее [Лысенко 1952: 14–23].

С чем я согласен, так это с фразой Животовского «обращаться к идее Ж. Ламарка стало психологически ещё труднее после того, как в генетическом научном сообществе она стала ассоциироваться с созданным отрицательным образом Т.Д. Лысенко, разделявшим её. Часто и сейчас первая реакция на упоминание имени Ж. Ламарка и проблему наследования приобретённых признаков резко негативна» [Животовский 2014: 62]. Только я бы расширил это утверждение — не только к «идее Ламарка», но вообще к любому исследованию средового воздействия советским биологам стало психологически намного труднее обращаться после того, как Лысенко опозил эту идею до невозможности. И это тоже было очень печально для отечественной биологии.

В аннотации к книге сказано: «Даётся трезвая оценка деятельности Т.Д. Лысенко». К сожалению, дать «трезвую оценку» у автора не получилось. С другой стороны, автору вполне удалось изобразить «неизвестного Лысенко» — ведь *такого* Лысенко никто из историков науки никогда не описывал.

Барабанщиков Б.И., Ермолаев А.И. 2011. Казанский университет в период лысенковщины. — *Историко-биологические исследования*. — Т. 3. — № 2.

Гайсинович А.Е. 1988. *Зарождение и развитие генетики*. — М.: Наука.

Глотов Н.В., Животовский Л.А., Хованов Н.В., Хромов-Борисов Н.Н. 1982. *Биометрия*. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.

Гончаров Н.П., Вишнякова М.А., Котёлкина И.В., Лассан Т.К. 2013. *Георгий Дмитриевич Карпеченко*. — Новосибирск: Изд-во СО РАН.

Добржанский Ф.Г. 1926. К вопросу о наследовании приобретённых признаков. — *Преформизм или эпигенезис? Дискуссионный сборник*. — Вологда: Северный печатник.

Ермолаева Н.И. 1938. Расщепление гороха при посеве и скрещивании его в разные сроки. — *Яровизация*. — № 1–2.

Животовский Л.А. 2004. *Неизвестный Лысенко*. — М.: Т-во научных изданий КМК.

Колмогоров А.Н. 1940. Об одном новом подтверждении законов Менделя. — *Доклады АН СССР*. — Т. 27. — № 1.

Колчинский Э.И. 2007. *Биология Германии и России в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом)*. — СПб.: Нестор-история.

Колчинский Э.И., Орлов С.А. 1990. *Философские проблемы биологии в СССР (20-е – начало 60-х гг.)*. — Л.: ЛО ИИЕТ АН СССР.

Левит С.Г. 1926. Эволюционные теории и марксизм. — *Медицина и диалектический материализм: Труды кружка врачей-материалистов 1-го МГУ*. — М.: Изд-во МГУ.

Лысенко Т.Д. 1949. *Агробиология*. — М.: Сельхозгиз.

Лысенко Т.Д. 1952. *Новое в науке о биологическом виде*. — М.: Сельхозгиз.

Медведев Ж.А. 2011. Опасная профессия. — *Историко-биологические исследования*. — Т. 3. — № 2.

Морган Т., Филипченко Ю.А. 1925. *Наследственны ли приобретённые признаки?* — Л.: Сеятель.

- Муромец В. 2014. Своевременная неправильная книга. — *Газета «Троицкий вариант»*. — № 24 (168), 2 декабря.
- Россиянов К.О. 1991. Из истории борьбы академика Д.Н. Прянишникова за генетику. — *Репрессированная наука*. — Л.: Наука.
- Профессор Э.И. Колчинский... 2014. *Профессор Э.И. Колчинский о книге «Неизвестный Лысенко» (выдержки из переписки с коллегами)*. — Доступно: <http://klnran.ru/2014/11/kolchinsky-o-knige-neizvestny-lysenk>. — Проверено: 1 марта 2015 г.
- Серебровский А.С. 1927. Четыре страницы, которые взволновали учёный мир. — *Газета «Правда»*. — 11 сентября.
- Смирнов Е.С., Вермель Ю.М., Кузин Б.С. 1924. *Очерки по теории эволюции*. — М.: Красная новь.
- Сойфер В.Н. 2002. *Власть и наука*. — Изд. 4-е, перераб. и доп. — М.: ЧеРо.
- Сойфер В.Н. 2011. *Очень личная книга*. — Новосибирск: Инфолио.
- Сойфер В.Н. 2014. Письмо в редакцию. — *Газета «Троицкий вариант»*. — № 25 (169), 23 декабря.
- Суд палача... 1999. *Суд палача: Николай Вавилов в застенках НКВД. Биограф. очерк. Документы*. — Сост. Я.Г. Рокитянский, Ю.Н. Вавилов, В.А. Гончаров. — М.: Academia.
- Файф Дж. 1952. *Лысенко прав*. — Пер. с англ. под ред. и с предисл. И.Е. Глущенко. — М.: Изд-во иностр. лит.
- Фандо Р.А. 2005. *Формирование научных школ в отечественной генетике в 1930–1940-е гг.* — М.: Изд. дом И.И. Шумиловой.
- Шалимов С.В. 2011. *«Спасение и возрождение»: Исторический очерк развития генетики в Новосибирском научном центре в годы «оттепели» (1957–1964)*. — Новосибирск: Манускрипт.
- Edreva Aglika. 2013. The Destroying of an Eminent Geneticist: Dontcho Kostoff and the Biological Conference in Bulgaria, 1949 — *Историко-биологические исследования*. — Т. 5. — № 1.
- Haldane J.B.S. 1948. The Lysenko Contrivensy. — *Listener*. — 9 November.
- Köhler Piotr. 2011. Botany and Lysenkoism in Poland. — *Историко-биологические исследования*. — Т. 3. — № 2.
- Kolchinsky E. 2014. Nikolai Vavilov in the years of Stalin's 'revolution from above' (1929–1932). — *Centaurus*. — Vol. 56. — № 4.
- Fujioka Tsuyoshi. 2013. The Japanese Lysenkoism and the Historical Backgrounds. — *Историко-биологические исследования*. — Т. 5. — № 1.